

ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ

УДК 930+94(47)“19”

А.В. ТРОФИМОВ

МОДЕРНИЗАЦИОННАЯ ПАРАДИГМА РОССИЙСКОЙ ИСТОРИИ XX в. (по страницам «Уральского исторического вестника»)*

Андрей Владимирович Трофимов,
д-р ист. наук, профессор,
Уральский государственный экономический университет (УрГЭУ),
620142, Екатеринбург, ул. 8 Марта, 62,
e-mail: 2519612@rambler.ru

Современная историографическая ситуация характеризуется полипарадигмальностью и мультиконцептуальностью. В статье анализируются опубликованные в «Уральском историческом вестнике» работы, посвященные истории России XX в., выполненные в русле модернизационной парадигмы. Выделяются три исследовательских ракурса: теоретико-методологический, историографический, конкретно-исторический. Обращено внимание на ключевую проблематику, которую исследуют представители уральской исторической школы: сущность российского варианта модернизации в XX в., черты и особенности «имперской» и «советской» модернизационных моделей, роль диффузий в истории, феномен индустриализации России и Урала, история Урало-Кузнецкого комбината, концепция агроперехода, история Ямала и др.

Ключевые слова: модернизационная парадигма, Уральский исторический вестник, история России XX в., индустриализация.

A. V. TROFIMOV

MODERNIZATION PARADIGM OF THE RUSSIAN HISTORY IN THE XX CENTURY (REVIEWING «THE URAL HISTORICAL HERALD»)

Andrey Vladimirovich Trofimov,
Doctor of historical Sciences,
Professor of the Ural state economic University
620142, Ekaterinburg, 8 March Street, 62,
e-mail: 2519612@rambler.ru

The modern historiographic situation is characterized by poliparadigmality and multiconceptuality. The objective of this paper is to summarize the views on the historical development of Russia in the XX century expressed in line with the modernization paradigm based on the analysis of articles from “The Ural Historical Herald”. The author identifies three research perspectives: theoretical and methodological, historiographical, and specifically historical. The key issues examined by researchers of the Ural historical school are the following: the essence of the Russian version of modernization in the XX century, features and characteristics of “imperial” and “Soviet” modernization models, role of diffusions in history, the industrialization phenomenon in Russia and the Urals, the Ural-Kuznetsk Combine history, the agrarian transition concept, history of Yamal, etc.

For the first time in a historiography based on the synthesis of civilization and modernization theoretical approaches the researchers solved the key problem of determining the cultural-civilization specifics of Russian modernization, showed the country’s place in the global process of civilization and modernization dynamics, analyzed main factors and mechanisms of internal and external impulses determining social-cultural,

---

*Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ, проект № 14-11-66006.

institutional-political, and social-economic development of Russia. The mechanisms of modernization processes have been considered at the civilization, national, regional, and local levels. The authors paid attention to the interaction between the macro, meso- and micro-processes in forming the Russian model of modernization, described the diffusive technologies that influenced the reception of social institutions and cultural values in the Urals.

Key words: modernization paradigm, Ural Historical Herald, Russian history of the XX century.

Поиск адекватных научных представлений о траектории движения социума в пространственно-временной системе координат исторического процесса носит перманентный характер. Ситуация полипарадигмальности, мультиконцептуальности предоставляет исследователям широкие возможности для изучения процесса социальных изменений.

Важным историографическим явлением стала совокупность опубликованных в последние годы на страницах «Уральского исторического вестника» (УИВ) статей, выполненных в русле модернизационной парадигмы. Выделим среди них работы, в которых осмысливается исторический путь, пройденный Россией в XX в. Авторами большинства этих публикаций являются ученые Института истории и археологии УрО РАН, составляющие интеллектуальное «ядро» уральской академической школы историков.

Началом изучения теоретико-методологических и конкретно-исторических проблем модернизации России и Урала в XVIII–XX вв. можно считать выход в 2000 г. тематического выпуска УИВ в № 5–6 («Модернизация: факторы, модели развития, последствия изменений»). В статье В.В. Алексеева и И.В. Побережникова выявлены основные тенденции эволюции теоретико-методологических воззрений представителей школы модернизации, обусловившие переход от односторонней эволюционистской концепции развития к более многомерной познавательной модели. В.В. Алексеев обосновал взаимодействие модернизации и революции на всем протяжении российской истории XX в., отметил амбивалентность социалистического этапа русской революции, подчеркнув, что, успешно решив множество задач модернизации, страна не выдержала соревнования с Западом и вступила в начале 1990-х гг. в новую фазу революции (контрреволюции), которая обернулась постсоветской деиндустриализацией и демодернизацией. А.С. Сенявский, сравнив советскую и дореволюционную модели урбанизации, выявил общие (существенная роль государства в развитии города, которая с 1930-х гг. становится довлеющей) и специфические (различия в социально-экономических условиях существования городских сословий и самих сословий и др.) черты их развития, констатировал, что советская урбанизация являлась побочным продуктом индустриализации. М.А. Фельдман обратил внимание на неоднородность состава рабочих Урала, неоднозначное отношение их различных групп к модернизации в 1900–1941 гг. В «хрущевской модернизации» 1950–1960-х гг. О.Л. Лейбович отметил определенное расхождение между целенаправленной политикой государства и объективными процессами (автономизация частной жизни, рост внутренней

дифференциации общества), вызвавшими к жизни тенденцию отмирания традиционалистских основ социалистических институтов.

В выпуске УИВ, посвященном исторической науке на рубеже II и III тысячелетий [1], В.В. Алексеев в качестве основополагающей тенденции российской истории в XX в. назвал модернизацию, которая осуществлялась на пути реализации различных политических и идеологических программ. «Печальным итогом» XX в. для России, по мнению автора, стал «ошибочный отказ большевиков от основополагающей тенденции века, связанной с модернизацией, и переход к иллюзиям социализма в его начале, а затем еще более мучительный поворот от них в конце века к ценностям далеко ушедшего за это время вперед гражданского общества» [1, с. 13].

В тематических выпусках УИВ, определивших «фирменный» стиль издания, и в последующие годы одним из значимых научных направлений оставалась история России XX в., рассматриваемая через призму модернизационной парадигмы. Причем гибкость, адаптивность существующих, возникающих и эволюционирующих в ее границах концепций и подходов находили оперативное отражение на страницах журнала. В № 15 за 2007 г. (первом номере обновленного УИВ) главной концептуальной темой была определена «роль диффузий в истории», т. е. распространение инноваций, в том числе их импорт в определенное общество извне. Авторы обратили внимание на значимую роль диффузий в контексте российских модернизаций, в частности, в области образования, социально-политической жизни, в сфере геополитических ориентаций. С.А. Нефедов, рассмотрев основные параметры революции 1905 г. (утверждение западного парламентаризма как цели движения, роли интеллигенции, использование социальных конфликтов традиционного общества, тактических приемов), предложил трактовать первый период русской революции как классическую «революцию вестернизации», «революцию извне» [2, с. 45].

В номере УИВ, посвященном «феномену индустриализации», И.В. Побережников обратился к рассмотрению вопроса о том, как в модернизационной перспективе объясняется процесс перехода от традиционного к индустриальному обществу. Он обратил внимание на неполноту односторонних подходов, характерных для представителей теорий модернизации и отсталости и теорий зависимости, и подчеркнул необходимость смены аналитических ракурсов в процессе исторического исследования. «Если применение модернизационной парадигмы подтверждает важность внутренних движущих сил индустриализации, то ис-

пользование других перспектив убеждает в необходимости учитывать и экзогенные факторы, без чего создаваемая исследователем картина не будет выглядеть убедительно и адекватно» [3, с. 14].

В статье А.И. Тимошенко индустриализация Сибири в XX в. рассмотрена на уровне концепций и решений, в процессе разработки и реализации которых был создан уникальный потенциал, имеющий общенациональное и мировое значение. Подчеркивалось, что острым противоречием освоения Сибири в прошедшем веке стала резкая диспропорция в социально-экономическом развитии между материальным производством и социально-бытовой инфраструктурой, в результате «решение крупнейших государственных индустриальных программ, безудержная эксплуатация природных ресурсов, строительство гигантских предприятий не принесли реального благополучия сибирякам» [3, с. 26]. Р.Р. Басыров [с. 59–67] на примере предприятий химической промышленности показал особенности позднеиндустриальной модернизации в Башкирии в 1950–1960-е гг. В.В. Запарий [с. 68–79] выявил основные тенденции развития металлургического комплекса Урала в 1970–1980-е гг. В.П. Тимошенко [с. 80–88] остановился на ключевых моментах дискуссии вокруг мегапроекта «Урал промышленный – Урал полярный», выделив параметры проекта, оценки экономистов, взгляд историков, экологический дискурс, особо подчеркнув необходимость отказаться от следования рецептам XIX в., характерным для регионального развития России и в XX в., таким как: развитие – это индустриализация; территория есть технологическая площадка – «физическая платформа» для размещения производительных сил; обеспечить развитие территории – значит сосредоточить на ней главные факторы индустриального производства – сырье, основные фонды, капитал и рабочую силу.

Один из выпусков УИВ (№ 3 за 2010 г.) посвящен познавательным возможностям и ограничителям в изучении и объяснении прошлого, присущим разнообразным моделям макроисторических состояний и процессов, таким как мир-системные, цивилизационные, экосоциальные, структурно-демографические, диффузионные, модернизационные, регионально-стадиальные, клиодинамические. В статьях указанного номера в широком временном и пространственном контексте речь идет о признаках, этапах, уроках российской цивилизации (В.В. Алексеев), воздействии на нее экосоциальной динамики (Н.С. Розов), о моделях модернизации в контексте макроисторических подходов (И.В. Побережников), математических моделях (А.В. Коротаев), диффузионных концептах и моделях в общественности (Е.В. Алексеева). Проблематике модернизационных процессов в России в XX в. были посвящены публикации о советской модели индустриальной модернизации (А.С. Сенявский), социалистическом проекте в российской модели развития (Е.Т. Артемов), о формировании советской модели внешнеэкономической политики (В.П. Тимошенко), роли Урала в геополитических проекциях Второй мировой войны (К.И. Зубков).

Еще один тематический номер УИВ (№ 1 за 2011 г.) посвящен истории реализации крупнейшего хозяйственного мегапроекта первой половины XX в. – созданию Урало-Кузнецкого комбината. В нем наряду с уральскими историками приняли участие ученые институтов СО РАН. Рассматривая мотивы, пути и способы достижения заявленных целей в советской модели регионального развития, авторы статей обратили внимание на программу создания Урало-Кузнецкого комбината через призму государственной стратегии России (С.С. Букин, В.А. Ламин), геополитической мотивации разработки и реализации Урало-Кузбасского проекта (К.И. Зубков), решении социальных проблем (А.И. Тимошенко) и иностранной технической помощи в Урало-Кузнецком проекте (В.П. Тимошенко), роли контингентов ГУЛАГа (Л.И. Бородин, А.А. Цепкалова), развитии угольной промышленности Урала в годы Великой Отечественной войны (С.А. Баканов), механизмах формирования населения Магнитогорска в условиях форсированной индустриализации (Н.Н. Макарова).

Трансформации в аграрной сфере в контексте модернизации XX в. исследовал Г.Е. Корнилов [4, с. 4–14]. Обосновав концепцию «аграрного перехода», он выявил его направления, темпы развития и формы проявления, выделил три фазы агроперехода в XX в.: 1) конец XIX – середина XX в.; 2) середина XX в. – конец 1980-х гг.; 3) начало 1990-х – начало 2000-х гг. За основу такой периодизации принят комплекс факторов, приводивших к качественным изменениям в жизни села, что позволило рассматривать аграрную трансформацию России с позиции непрерывности. Первая фаза «аграрного перехода» на Урале (конец XIX – первая четверть XX в.) характеризовалась вовлечением огромных масс населения, а основными его факторами были социальные и политические, связанные с военными действиями и распадом Российской империи. Вторая фаза агроперехода (середина 1920-х – конец 1950-х гг.) была связана с процессами индустриализации, коллективизации и характеризовалась на Урале массовой миграцией из села в город, охватившей все территории региона, и изменением соотношения городского и сельского населения [5, с. 48–55]. Л.Н. Мазур предложила изучать урбанизацию российской деревни в поселенческом, социально-бытовом и культурологическом плане, выделяя общие закономерности и рамки, в частности, рассматривая во взаимосвязи период второй половины XIX–XX в. [6, с. 15–24].

Изучать региональную историю на основе центр-периферийной модели, что предполагает ее измерение в геоэкономической, институционально-политической и социокультурной плоскостях, предложил И.В. Побережников. В данном ракурсе он выделил третий этап (1880-е гг. – XX в.), когда происходило «вращение» страны в мировую индустриальную цивилизацию, утверждалась модель современного индустриального роста, а в уральском регионе осуществлялся индустриализационный транзит. Благодаря этому Урал в масштабах страны переходит в состав ядра, ха-

рактизирующегося технологическими, институционально-социальными, ментальными параметрами современного типа, при сохранении национально-цивилизационного и регионального своеобразия [7].

Размышляя о революции 1917 г. в России, К.И. Зубков отметил, что «в незападных обществах, вынужденных с начала Нового времени развиваться в русле “догоняющей” модернизации, гипертрофированная роль государства в организации и регулировании социально-экономических процессов уже сама по себе закрепляла в общественном сознании сильнейшую этатистскую традицию» и как ни парадоксально, «но именно выразившаяся в октябре 1917 г. в крайних формах радикализация масс обусловила в дальнейшем ходе Октябрьской революции сильнейший тоталитарный крен, в котором в свою очередь обнаружилась причудливая амальгама самых радикально-утопических компонентов марксизма и самой мощной традиционалистской реакции» [8, с. 100, 101].

В выпуске УИВ, посвященном проблемам научно-технической политики в контексте модернизационных преобразований (№ 3 за 2008 г.), Е.Т. Артемов проанализировал историографию советской научно-технической политики; Е.Г. Водичев и Ю.И. Узбекова рассмотрели развитие отечественной науки во второй половине XX в. через призму взаимоотношения «центра» и «периферии»; В.Э. Лебедев обратился к региональному (по материалам Урала) измерению государственной научно-технической политики; А.Э. Бедель остановился на роли «заводской» науки в атомном проекте СССР.

Обратившись к истокам кризиса советской системы, Е.Т. Артемов проследил ход эрозии советского строя, подчеркнул, что не только (и не столько) организационно-экономические факторы или «происки «враждебных сил» стали причинами коллапса СССР. «Девальвация идеи “державности” создавала предпосылки для тектонических сдвигов в общественном сознании. Вместо энтузиазма по поводу будущего, свойственного началу “перестройки”, формируется устойчивое представление о фатальной неспособности советской системы ответить на вызовы времени и хотя бы сохранить страну в качестве великой державы. В конечном итоге, в глазах правящей элиты и “широких масс” само существование Советского Союза утратило свое оправдание» [9, с. 108].

Проведя сравнительный анализ имперской и советской моделей модернизации, Т.М. Братченко отметила, что первая из них не сумела решить главной проблемы России – преодоления отставания от стран-лидеров, тогда как вторая оказалась наиболее адекватной формой перехода России к индустриальному и городскому обществу, но не сумела предложить эффективной стратегии выхода из кризиса и обеспечения новой стадии – постиндустриальной модернизации [10].

В номерах УИВ, посвященных истории Ямала (№ 12 за 2005 г., № 13 за 2006 г.), В.В. Алексеевым, К.И. Зубковым, В.П. Тимошенко, И.В. Побережником

вым, Г.Е. Корниловым, С.Е. Алексеевым и другими были апробированы концептуальные подходы, получившие в дальнейшем развитие в «Истории Ямала» [11]. Характеризуя ситуацию выбора стратегий развития Севера в течение первой половины XX в. из трех основных вариантов – «автохтонно-эндогенной», «ассимиляционной» и «эксплуатационной», авторы объяснили, как сочетались и реализовывались в практической деятельности эти подходы. Политика интегрального развития в первой половине XX в. объяснялась не только скудостью ресурсов, но и «островным» характером самого процесса освоения Севера, обусловленным его суровыми природными условиями и транспортной изолированностью. Это ставило в повестку дня вопрос не о рентабельности освоения, а о его принципиальной осуществимости. Лишь открытие в середине XX в. крупнейших запасов углеводородного сырья стало прологом настоящей индустриализации Ямальского Севера и формирования принципиально новой стратегии его освоения. В конце советского периода регион стал лидером по темпам экономического роста и урбанизации, опережая средние показатели по России и СССР, на Ямале состоялся модернизационный переход.

Предпринятый В.В. Алексеевым [12], А.В. Сперанским [13], А.Т. Тертышным, А.В. Трофимовым [14] историографический анализ показал, что в русле модернизационной парадигмы историкам удалось реконструировать этапы становления, эволюции, кризиса и краха советской общественно-экономической системы, плодотворно использовать ее когнитивный потенциал для изучения истории Урала в модернизационной динамике России XX в.

Появление на страницах УИВ публикаций, как рассмотренных выше, так и не вошедших в данный обзор, способствовало отработке исследовательского инструментария, наполнению конкретно-историческим содержанием концептуальных подходов, объясняющих в русле модернизационной парадигмы российскую историю XX в. (на страновом и региональном уровнях). Логическим продолжением и достойным завершением важного этапа в развитии уральской исторической школы стал выход ряда монографических исследований [15–19]. Авторам удалось вывести цивилизационный и модернизационный дискурс на принципиально новый уровень. Впервые в историографии на основе синтеза цивилизационного и модернизационного теоретических подходов была успешно решена комплексная задача определения культурно-цивилизационной специфики российской модернизации, определено место страны в мировом процессе цивилизационной и модернизационной динамики, показаны основные факторы и механизмы внутренних и внешних импульсов, определявших социокультурное, институционально-политическое и социально-экономическое развитие России. Рассмотрены проблемы выявления механизмов протекания модернизационных процессов в цивилизационном, страновом, региональном и локальном масштабах, обращено внимание на взаимодействие макро-, мезо- и микропроцессов в формировании российской модели

модернизации, раскрыты в основном диффузионные технологии и механизмы, с помощью которых происходила рецепция социальных институтов и культурных ценностей на Урале.

Знакомство с вышеупомянутыми статьями и монографиями позволяет говорить о том, что представителями уральской исторической школы достигнуты весомые успехи в теоретико-методологическом, историографическом, конкретно-историческом изучении ключевых проблем, связанных с процессами социальных изменений и особенностями протекания модернизации в России в XX в.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Алексеев В.В. Основополагающая тенденция российской истории XX в. // Уральский исторический вестник. 2001. № 7. С. 5–14.
2. Неведов С.А. 1905 год: революция в контексте вестернизации // Уральский исторический вестник. 2007. № 15. С. 35–45.
3. Побережников И.В. Индустриализация в контексте парадигмы модернизации и вне его // Уральский исторический вестник. 2007. № 16. С. 4–14.
4. Корнилов Г.Е. Аграрная модернизация в России в XX в.: региональный аспект // Уральский исторический вестник. 2008. № 2. С. 4–14.
5. Корнилов Г.Е. Миграционное движение и формирование населения Урала в первой половине XX в. // Уральский исторический вестник. 2012. № 2. С. 48–57.
6. Мазур Л.Н. Урбанизация российской деревни во второй половине XIX–XX в.: к постановке проблемы // Уральский исторический вестник. 2008. № 2. С. 15–24.
7. Побережников И.В. Урал в истории Российского государства: постановка проблемы // Уральский исторический вестник. 2012. № 2. С. 118–126.
8. Зубков К.И. Размышляя об Октябре 1917 г.: социокультурные истоки русской революции // Уральский исторический вестник. 2007. № 17. С. 93–101.
9. Артемов Е.Т. Истоки кризиса советской системы // Уральский исторический вестник. 2007. № 17. С. 102–108.
10. Братченко Т.М. Российский путь модернизации: сравнительный анализ имперской и советской моделей // Уральский исторический вестник. 2009. № 4. С. 32–36.
11. История Ямала: в 2 т. / под ред. В.В. Алексеева. Екатеринбург: Баско, 2010.
12. Алексеев В.В. Уральская академическая школа историков (к 25-летию основания) // Уральский исторический вестник. 2013. № 1. С. 4–15.
13. Сперанский А.В. Урал в модернизационной динамике XX в.: перспективы исследований // Уральский исторический вестник. 2013. № 4. С. 78–87.
14. Тертышный А.Т., Трофимов А.В. Советский Союз (1945–1991 гг.): историографические традиции и концептуальные образы // Уральский исторический вестник. 2012. № 1. С. 85–96.
15. Алексеев В.В., Алексеева Е.В., Артемов Е.Т. и др. Цивилизационное своеобразие российских модернизаций XVIII–XX вв.: пространственно-временной аспект / под ред. В.В. Алексеева. Екатеринбург: УрО РАН, 2011. 384 с.
16. Модернизация в цивилизационном контексте: российский опыт перехода от традиционного к современному обществу: сб. ст. / Ин-т истории и археологии УрО РАН, отв. ред. В.В. Алексеев. Екатеринбург: ИздатНаукаСервис, 2011. 176 с.
17. Опыт российских модернизаций XVIII–XX вв.: взаимодействие макро- и микропроцессов / В.В. Алексеев, Е.В. Алексеева, К.И. Зубков и др.; Ин-т истории и археологии УрО РАН. Екатеринбург: Банк культур. информации, 2011. 404 с.
18. Диффузия технологий, социальных институтов и культурных ценностей на Урале (XVIII – начало XX в.). Екатеринбург: УрО РАН, 2011.
19. Факторный анализ российского исторического процесса / В.В. Алексеев и др. Екатеринбург: Изд-во УМЦ УПИ, 2011. 260 с.

REFERENCES

1. Alekseev V.V. Centuries the Fundamental tendency of Russian history of the XX century. *Ural'skij istoricheskij vestnik*. 2001, no 7, pp. 5–14. (In Russ.)
2. Nefedov S.A. 1905: revolution in the context of Westernization. *Ural'skij istoricheskij vestnik*. 2007, no 15, pp. 35–45. (In Russ.)
3. Poberezhnikov I.V. Century Industrialization in the context of the modernization paradigm and beyond. *Ural'skij istoricheskij vestnik*. 2007, no 16, pp. 4–14. (In Russ.)
4. Kornilov G.E. Agrarian modernization in Russia in the twentieth century: regional aspect. *Ural'skij istoricheskij vestnik*. 2008, no 2, pp. 4–14. (In Russ.)
5. Kornilov G.E. Migration and the formation of the population of the Urals in the first half of the twentieth century. *Ural'skij istoricheskij vestnik*. 2012, no 2, pp. 48–57. (In Russ.)
6. Mazur L.N. Urbanization of the Russian village in the second half of the XIX–XX centuries: the problem statement. *Ural'skij istoricheskij vestnik*. 2008, no 2, pp. 15–24. (In Russ.)
7. Poberezhnikov I.V. Century the Urals in the history of the Russian state: the problem. *Ural'skij istoricheskij vestnik*. 2012, no 2, pp. 118–126. (In Russ.)
8. Zubkov K.I. Thinking about October of 1917: social and cultural origins of the Russian revolution. *Ural'skij istoricheskij vestnik*. 2007, no 17, pp. 93–101. (In Russ.)
9. Artemov E.T. The Origins of the crisis of the Soviet system. *Ural'skij istoricheskij vestnik*. 2007, no 17, pp. 102–108. (In Russ.)
10. Bratchenko T.M. So Meters of Russian modernization: a comparative analysis of Imperial and Soviet models. *Ural'skij istoricheskij vestnik*. 2009, no 4, pp. 32–36. (In Russ.)
11. History of Yamal: in 2 volumes / ed. by V.V. Alekseev. Ekaterinburg: Basco, 2010. (In Russ.)
12. Alekseev V.V. Centuries Ural academic school of historians (25th anniversary). *Ural'skij istoricheskij vestnik*. 2013, no 1, pp. 4–15. (In Russ.)
13. Speransky A.V. Ural in the dynamics of modernization of the twentieth century: perspectives of research. *Ural'skij istoricheskij vestnik*. 2013, no 4, pp. 78–87. (In Russ.)
14. Terlyshny A.T., Trofimov A.V. The Soviet Union (1945–1991): Historiographical traditions and conceptual images. *Ural'skij istoricheskij vestnik*. 2012, no 1, pp. 85–96. (In Russ.)
15. Alekseev V.V., Alekseeva E. V., Artyomov E.T. *in dr.* Civilizational identity of Russian modernisation of the XVIII–XX centuries: the spatial-temporal dimension / ed. by V.V. Alekseev. Ekaterinburg: UrB RAS, 2011, 384 p. (In Russ.)
16. Modernization in the civilizational context: the Russian experience of the transition from traditional ones to modern society: collection of Art. / RAS, UrB RAS. Resp. ed. by V.V. Alekseev. Ekaterinburg, 2011, 176 p. (In Russ.)
17. The experience of Russian modernisation of the XVIII–XX centuries: the interaction of macro- and microprocesses / V.V. Alekseev, E.V. Alekseeva, K.I. Zubkov and others; The Institute of history and archaeology, UrB RAS. Ekaterinburg: Bank of cultural information, 2011, 404 p. (In Russ.)
18. Diffusion of technologies, social institutions and cultural values in the Urals (XVIII – beginning of XX century). Ekaterinburg: UrB RAS, 2011. (In Russ.)
19. Factor analysis of the Russian historical process. Collective monograph / Alekseev V.V. and others. Ekaterinburg: Publ. UMC RLP, 2011, 260 p. (In Russ.)

Статья принята редакцией 11.12.2014